

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель - поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви - любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» - Рабби Сакс

ТЕЦАВЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТАНЫ СИЛАКОВОЙ

Эстетическая грань иудаизма

Почему в нашей недельной главе Тора дает столь конкретные и настоятельные указания об одежде, которую должны были носить коэны и коэн гадоль?

«Вот одежды, которые они должны изготовить: нагрудник, эфод, плащ, ячеистая рубаха, тюрбан и пояс. Пусть сделают священные одежды твоему брату Аарону и его сыновьям, чтобы они¹ могли стать Моими священниками» (Шмот, 28:4).

Вообще, обычно иудаизм относится к внешнему облику скептически. У Шауля, первого царя Израиля, и наружность была царственная. Он был рослый, выше всех «на голову» (Шмуэль I, 9:2). Но этот высокий в физическом смысле человек не достиг нравственных высот. Он шел на поводу у народа вместо того, чтобы вести его за собой. Б-г объявил Шмуэлю, что отверг Шауля и велит помазать на царство одного из сыновей Ишаа. Шмуэль отправился к Ишаа и увидел, что у одного из сыновей, Элиава, царственная наружность. Вот кого избрал Б-г, решил Шмуэль. Однако Б-г указывает Шмуэлю на ошибку: «И сказал Г-сподь Шмуэлю: «Не смотри на обличье его и на высокий рост его, ибо Я отверг его. Ведь (суть) не в том, что видит человек — человек видит лишь то, что видно глазу, а Г-сподь видит то, что в сердце»» (Шмуэль I, 16:7).

Внешность обманчива. Ивритское слово «бегед» («одежда») образовано от того же ивритского

слова, что и глагол «предать», звучащий в формуле исповеди «Ашамну, багадну»² («Виноваты мы, предали мы»). Яаков воспользовался одеждой Эсава, чтобы совершить обман. А братья Йосефа, тоже в целях обмана, — окровавленной рубахой юноши, проданного ими в рабство. Только в книге Берешит целых шесть таких примеров. Почему же Б-г заповедал коаним облачаться в особую одежду для служения в Святилице, а позднее в Храме?

Ответ подскажет словосочетание, которое два раза встречается в нашей недельной главе. Эти два существительных описывают символический смысл священнических одежд: «ле-кавод уле-тиферет» («для величественности [либо «почета»] и красоты»³). В тексте Торы это нетипичные слова, во всяком случае в применении к людям. Слово «тиферет» («красота», «слава») встречается в Торе всего три раза. Оно дважды употреблено в нашей недельной главе (Шмот, 28:2, 40), а в третьем случае, в поэтическом смысле и в несколько ином значении, в Дварим, 26:19⁴.

Слово «кавод» («величественность» или «почет») употреблено шестнадцать раз, но в четырнадцати (2×7) случаях оно обозначает славу Г-спода. И только в двух случаях, оба раза — в нашей недельной главе, «кавод» употреблено применительно к человеку.

1 Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «чтобы он (Аарон) стал Моим священником». — *Примеч. перев.*
2 Краткая общинная покаянная молитва будних дней. — *Примеч. перев.*

3 Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Сделай твоему брату Аарону священные одежды для почета и великолепия». — *Примеч. перев.*
4 Ср. с русским переводом Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «для славы». — *Примеч. перев.*

Что же здесь происходит?

Разгадка в том, что священнические одежды выражают эстетический аспект бытия. А в иудаизме он далеко не всегда на первом месте. Заботу об эстетической стороне жизни мы невольно ассоциируем с культурами, далекими от Торы. Великие империи — Месопотамия, Египет, Ассирия, Вавилон, Греция и Рим — возводили монументальные дворцы и храмы. При королевских дворах носили роскошные одеяния, мантии, короны и регалии, всякому рангу полагались свои одежды и украшения. Иудаизм, напротив, настолько чужаается помпезности и пышности, что его подход часто кажется едва ли не пуританским. Иудаизм чтит незримого Б-га и потому не придает большого значения тому, что зримо, ценит скорее то, что сказано устно и воспринимается на слух. Услышанные слова важнее, чем увиденные внешние приметы.

Однако служение в Святынище и Храме подчинялось иным правилам. В нем действительно имели принципиальное значение внешние признаки — то, что выражало величественность и красоту. Почему? Маймонид объясняет: «Чтобы приумножить величие Храма, тех, кто совершал в нем служение, окружали большим почетом, так что священники и левиты отличались от всех остальных. Было заповедано, чтобы священник одевался подобающе, в самые великолепные и нарядные одежды, “священные одежды для славы и для красоты”, поскольку толпа судит о человеке не по его истинному облику, а по <...> красоте его одежд, а Храм должен был внушать всем огромное благоговение» (Путеводитель растерянных, III:45).

Объяснение четкое, но в нем сквозит легкое презрение. По-видимому, Маймонид хочет сказать: для тех, кому по-настоящему ясна суть религиозной жизни, внешний облик совершенно неважен, но «толпа», массы, большинство людей устроены иначе. На них производят впечатление зрелищность, зримые приметы величия, блеск золота, нагрудники с драгоценными камнями, богатая пышность багряницы и пурпура, первозданная чистота одежд из белого льна.

Более веские доводы в пользу эстетического аспекта иудаизма приводит Майкл Вышгород⁵ в своей книге «Тело веры» (1983). На всем протяжении истории, указывает он, искусство и религиозный культ тесно взаимосвязаны, и иудаизм в этом смысле не исключение: «Архитектура и внутренняя обстановка Храма требуют от человека пространственного

мышления, а оно — самый мощный стимул развития изобразительных искусств. Необходимо помнить, что из многочисленных артефактов, оставшихся от цивилизаций прошлого, самыми искусными и самыми интересными в эстетическом плане почти всегда оказываются предметы, предназначенные для отправления религиозных обрядов».

По словам Вышгорода, постбиблейский иудаизм, за редкими исключениями, не внес особого вклада в изобразительное искусство и музыку. Даже сегодня мир религиозного еврейства существует где-то вдали от мира великих писателей, художников, поэтов и драматургов. Правда, сокровищница народной религиозной музыки весьма богата. Но в целом, утверждает Вышгород, «наши творческие люди склонны покидать еврейскую общину».

Он видит в этом признак духовного кризиса: «Творческое воображение поэта отражает его духовную жизнь. Миф и метафора широко в ходу как в религии, так и в поэзии. Поэзия — одна из сфер, где религиозное чувство выражено с наибольшей силой. То же самое можно сказать о музыке, драматургии, живописи и танце».

Раввин Авраам Кук надеялся, что возвращение в Сион подстегнет развитие еврейского изобразительного искусства, и в религиозной жизни действительно есть большое место для красоты, особенно в Аводе, «служении», раньше предполагавшем жертвоприношение, а теперь молитву.

Новейшие исследования в области нейронаук, эволюционной психологии и поведенческой экономики установили: мы, люди, по большей части животные неразумные⁶ в том смысле, что редко мыслим рационально. Да, мы способны к рациональному мышлению, но чтобы побудить нас к действиям, недостаточно одних лишь доводов разума. Чтобы действовать, нам необходимо испытывать эмоции, а они таятся глубоко под префронтальной корой — отделом мозга, отвечающим за сознательное мышление. Именно к эмоциям апеллирует изобразительное искусство. Оно берedit душу очень глубоко, сильнее, чем любые слова.

Вот почему художественные шедевры пронизаны духовностью, которую невозможно выразить иначе, чем средствами искусства. То же самое можно сказать о зримой красоте и пышности служения в Святынище и Храме, в том числе об одеждах и поясах священников. Эта мысль бесподобно выражена в поэтическом тексте,

5 Майкл (Михаэль) Вышгород (1928–2015) — еврейский американский философ-религиовед и теолог. Родился в Германии, в детском возрасте бежал с родителями в США. — *Примеч. перев.*

6 Отсылка к крылатому выражению «человек — животное разумное», вдохновленному философией Аристотеля. — *Примеч. перев.*

который содержится в повторении кантором молитвы мусаф на Йом Кипур.

Речь идет о «марэи коэн» — внешнем облике первосвященника в тот миг, когда он завершал свое служение и выходил из Святой святых:

«Словно сияние купольного свода небес,
Словно молния, вспыхивающая от
великолепия ангелов,
Словно небесная синева нити цицит,
Словно переливы радуги среди облаков,
Словно великолепие одежд, в которые
Скала⁷ наряжает Свои создания,
Словно роза, посаженная в саду
наслаждений,
Словно диадема, возложенная на чело
Царя,
Словно любовь, отраженная, как в зеркале,
на лице жениха,
Словно ореол чистоты вокруг венца
чистоты,
Словно тот, кто пребывает под покровом⁸,
умоляя Царя,
Словно утренняя звезда, сияющая на
рубеже Востока, —

Таков был облик [Перво]священника».

Теперь мы можем дать определение эстетическому аспекту иудаизма. Это искусство, которое посвящает себя воспеванию величия Б-га. Мы делаем вывод из того факта, что в Торе слово «кавод» («величественность», «слава») применяется только к Б-гу либо к коэну, совершающему служение в доме Б-жьем.

Иудаизм не разделяет принцип «искусство ради искусства», но ценит то искусство, которое служит Б-гу. Такое искусство делает Б-гу ответный подарок, вручая Ему в качестве обетованного приношения малую частицу красоты, сотворенной Им в тварном мире.

Отличие Древнего Израиля от Древней Греции можно упрощенно изложить так: греки верили, что красота священна, а евреи верили в адрат кодеш — красоту святости. В Аводе нашлось место эстетическим аспектам. Скажу словами «Песни у моря»: «Зе Кейли ве-анвеу» («Это мой Б-г, и я умножу красоту Его»⁹). Ибо красота вдохновляет на любовь, а любовь — на служение Б-гу от чистого сердца.

Around the Shabbat Table

1. How does the dual meaning of "begged" (garment/betrayal) deepen our understanding of clothing's role in both deception and sanctity?
2. What parallels can we draw between the aesthetic of the Mishkan and modern-day religious practice?
3. When else in Tanach does clothing serve as a symbol of spiritual connection or transformation?

● These questions come from this week's **Family Edition** to Rabbi Sacks' Covenant & Conversation. For an interactive, multi-generational study, check out the full edition at www.rabbisacks.org/covenant-conversation-family-edition/tetzaveh/the-aesthetic-in-judaism.

7 «Скала Израиля» — один из эпитетов Б-га в иудаизме. См.: Теилим, 19:15. — *Примеч. перев.*

8 Отсылка к Теилим, 91:1. — *Примеч. перев.*

9 Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Это мой Б-г — я прославлю Его». — *Примеч. перев.*